

сти и терпению, в то время как протест масс против угнетения становился все более острым. Неясно, наконец, как сочеталась социальная демагогия, обличение богатых и власть имущих с задачей укрепления существующего строя. Видимо, здесь имел место сложный процесс, известную аналогию которому можно найти в первые века Империи. Тогда ораторы и философы нередко использовали в своих речах и сочинениях, направленных против богачей, близкие народу выступления популяров конца Республики, что, однако, не вызывало недовольства императорской цензуры, часто уничтожавшей произведения, казавшиеся опасными. Август и его преемники, терпя и даже поощряя инвективы против пороков высших, могли выступать как продолжатели популяров, как верховные защитники интересов народа, осуществившие его чаяния и принесшие ему золотой век. Но революционная сущность и значимость речей ораторов времен Республики теперь нейтрализовалась: если тогда пороки отдельных лиц и социальных групп связывали с пороками существующего строя и призывали к его изменению или свержению, то при Империи насилие и гнусности тех или иных богачей, аристократов, правителей трактовались как частный случай, не бросающий тень на Империю в целом. В конце концов, соответствующие мотивы превратились в риторические упражнения, уже не производившие впечатления на слушателей и читателей, и массы обратились к христианству, наиболее полно и в наиболее адекватной по тому времени форме отразившему их протест против существующих отношений. Когда христианство стало государственной религией, оно не могло отказаться и не отказалось от составлявшей его ядро идеологии угнетенных. Но последняя коренным образом отличалась от активной, революционной идеологии времен гражданских войн и с самого начала не требовала переустройства социального и политического строя. От нее христианство последующих веков сохранило и отвлечение от внешнего мира, и переосмысление всех его отношений под углом зрения своих, новых ценностей, и осуждение греховности тех, кто привержен земным, а не духовным благам, словом, все, что

на этом этапе обеспечило ему победу в народе, чьему мировоззрению оно наиболее полно отвечало. Кроме того, впитывая различные течения и влияния, идеи, распространенные в других общественных слоях, оно все более усложнялось, модифицировалось, разветвлялось на разные направления. И именно учитывая особенности идеологии пизов последних веков Империи, а также, вероятно, и многих веков эпохи феодализма, и сложность самого христианства и его развития, нельзя говорить о прямом и сознательном использовании его для духовного подавления масс. Иначе делаются непонятны не только окончательная победа христианства над всеми иными религиозными и философскими течениями, но и то обстоятельство, что рождающаяся христианская культура становится, в противоположность умирающему язычеству, подлинно народной культурой.

Последнее очень ярко проиллюстрировано в главах, посвященных неоплатонической философии, литературе, искусству. Авторы этих глав, преодолев традиционное представление, будто христианство ответственно за гибель жизнеутверждающей античной культуры, наглядно показали результат многовековой эволюции последней. Крайнее сужение ее социальной базы, ограниченной уходящими в прошлое общественными слоями, обусловило ее реакционность, оторванность от народа, бесперспективность, вырождение. Напротив, христианская культура, заимствуя и перерабатывая античное наследие, создавала новые, близкие и понятные массам формы, соответствовавшие и новому, отвечавшему требованиям времени содержанию. Начало византийского средневековья предстает здесь не как «темные века» упадка, а как период напряженного творчества, лежащего в основе дальнейшего прогресса.

Как мы видим, несмотря на спорность некоторых положений (это не недостаток, а напротив, достоинство всякого труда, рассчитанного на мыслящего читателя) первый том «Истории Византии» представляет собой капитальное исследование, содержащее много нового и ставящее важнейшие проблемы, обсуждение которых сулит плодотворную дискуссию.

Е. М. Штаерман

FIORELLA IMPARATI. *I Hurriti*, Firenze, 1964, 175 стр., 13 табл.

Детальное изучение древневосточных письменных памятников из Богазкёя, Мари, Алалаха, Нузи, Аррапхи, Угарита дало возможность выявить не только отдельные важные моменты истории, религии и культуры хурритов — одного из крупных этнических образований древней Передней Азии, — но и ряд черт хур-

ритского языка, главным образом, его морфологии и лексикологии. Вместе с этим, археологические раскопки, проведенные в Северной Месопотамии, Северной Сирии, а также в Закавказье, по-новому поставили вопросы культурных, этнических и экономических взаимоотношений указанных выше областей, обога-

щая наши знания по хурритологии. Все это открыло перед исследователями новые перспективы изучения хурритского мира, много осмысления известных ранее данных письменных источников и культурных памятников. Постепенно созревала потребность в создании научного труда, в котором были бы подытожены современные знания по истории, языку и культуре хурритов.

Рецензируемая работа, однако, еще не является опытом создания такого сводного исследовательского труда; это лишь научно-популярный очерк, представляющий собой последовательный обзор достижений, основанный на широком использовании опубликованных до 1964 г. научных трудов по хурритологии и смежным дисциплинам. Поэтому, естественно, автор часто следует за мнениями, высказанными ранее, воздерживаясь от собственных наблюдений и выводов¹. Это отчасти, очевидно, объясняется тем, что Ф. Импарати в первую очередь хеттолог и специально хурритами не занималась.

Ввиду сказанного автору нельзя предъявить тех претензий, с которыми можно было бы обратиться к автору исследования обобщающего характера. Впрочем, задача создания такого труда по хурритологии, потребность в котором очень велика у специалистов широкого круга дисциплин, по нашему мнению, уже не по плечу одному ученому, ее решение требует комплексного труда историков, правоведов, лингвистов и археологов, работающих в области древнего Востока.

Требованиям же, которые можно предъявить к научно-популярному очерку, рассматриваемая работа вполне отвечает. Несмотря на отдельные недостатки, о которых будем говорить ниже, Ф. Импарати в целом удовлетворительно знакомит читателей с основными проблемами, связанными с хурритами и дискутируемыми в современной специальной литературе. Что же касается использованной литературы, то тут следует упрекнуть автора в полном незнании с новыми работами советских ученых², за исключением

статьи Т. В. Гамкрелидзе, опубликованной на английском языке (*ArOr*, 29, 1961, № 3, стр. 406—418). В приведенной в конце книги библиографии отсутствует и несколько других работ, опубликованных за рубежом до появления рецензируемой книги, в которых рассматриваются связанные с хурритами вопросы. Эти работы указаны ниже.

В первой же главе книги «Хурритский этнос» (стр. 3—37) автор рассматривает ряд важных вопросов, окончательное решение большинства которых все еще не удается специалистам. Ф. Импарати в основном правильно излагает современное состояние их изучения. При рассмотрении вопросов расселения хурритов по данным древних письменных источников (стр. 3—8) автор разделяет предположение ряда ученых о неавтохтонности хурритов. Допуская возможность о переселении этих племен из района Кавказских горных хребтов или же из «Внутренней Азии», Импарати отмечает, что хурриты, долго обитавшие вокруг озера Ван, с древнейших времен постепенно проникали в Северную Месопотамию. Именно отсюда распространялись они к юго-западу, по направлению Верхнего Тигра и Евфрата — в долины рек Хабур и Белих. Существование хурритов в Северной Месопотамии засвидетельствовано письменными источниками, относящимися ко второй половине III тыс. до н. э. В дальнейшем хурриты из указанных районов распространялись по довольно обширной территории — до Сирии и Палестины, Киликии, Каппадокии и т. д.

Археологический материал, добытый новыми раскопками в Северной Месопотамии³ и не учтенный автором рецензии

Азии, ПЭС, I, 1958, стр. 26—33; он же, Сравнительно-грамматический обзор хурритского и урартского языков, ПАС, I, М., 1961, стр. 369—423 (резюме на англ. яз.); Н. Б. Янковская, Хурритская Аррапха, ВДИ, 1957, № 1, стр. 17—33; она же, Зависимость распоряжения собственностью в Аррапхе от особенностей ее общественного строя, «Еос», 1957, 48, № 2, стр. 3—13; она же, Юридические документы из Аррапхи в собраниях СССР, ПАС, I, стр. 424—580 (резюме на англ. яз.); она же, Zur Geschichte der hurritischen Gesellschaft (auf Grund von Rechtsurkunden aus Arrapha und Alalah), АСЮ, 25, 1962, 1, стр. 226—232; О. В. Цикитишвили, Из истории хурритского общества по материалам архива Нузи, Тбилиси, 1956, 16 стр. (автореф. дисс.) и др.

³ А. Моортгат, Archäologische Forschungen der Max Freiherr von Oppenheim-Stiftung im nördlichen Mesopotamien 1955, Köln-Opladen, 1957; он же, Archäologische Forschungen der Max Freiherr von Oppenheim-Stiftung im nördlichen Mesopotamien 1956, Köln-Opladen, 1959 и др.

¹ Ф. Импарати — автор ряда работ по хеттологии. См., например, F. Imparati, Note al codice ittito, PP, 66, 1959, стр. 185—189; она же, Su alcuni articoli del codice ittito relativi a categorie sociali, RIDA, 6, 1959, стр. 65—75; она же, L'Autografia di Gattušili I, SCO, XIII, 1964, стр. 7—41; она же, Le deggi ittite, Roma, 1964.

² См., например, Г. А. Меликишвили, Напри-Урарту, Тбилиси, 1954, стр. 88—104 и др.; И. М. Дьяконов, О языках древней Передней Азии, ВЯ, 1954, № 5, стр. 52 сл.; он же, A Comparative Survey of the Hurrian and Urartean Languages («Paper for the XXIV International Congress of Orientalists»), М., 1957; он же, Народы древней Перед-

руемой книги, подтвердил правильность высказанного ранее в литературе мнения, что Северная Месопотамия была «ядром страны хурритов»⁴. При этом долина р. Хабур рассматривается как центральный район хурритских племен уже в конце III тыс. до н. э.⁵ Особенно важный материал был выявлен в Тель-Фахари (Фехерие) и Тель-Хуере⁶.

Выдвигая предположение о переселении хурритских племен с Кавказских гор, которое находит поддержку в соображениях ряда ученых относительно связи пространной «куро-аракской» культуры с хурритами⁷, Ф. Импарати не отмечает, что гипотеза о переселении интересующих нас племен из «Внутренней Азии» весьма слабо обоснована. Кроме того, она вообще не учитывает существование довольно известного предположения, согласно которому место раннего пребывания хурритов следует видеть и в районах, расположенных близ оз. Урмия, к востоку от Тигра⁸.

В этой части книги Ф. Импарати не касается вопроса о местоположении столицы Митаннийского царства Вашшуканни, хотя дальше, на стр. 57 она все же правильно отмечает, что этот город точно не локализован. И действительно, до последнего времени почти все исследователи отождествляли Вашшуканни с Тель-

Фахарией (к югу от совр. Рас-ель-‘аин, в долине р. Хабур), что было основано на отождествлении названия пункта *Sikāni* новоассирийского времени, локализованного учеными на месте Тель-Фахари, с названием *Uaššukanni*⁹. Однако, как уже указывалось в специальной литературе, раскопки в Тель-Фахари, не дали твердо-го подтверждения этого отождествления¹⁰. Вместе с тем Е. Кантор обращает внимание на тот факт, что в табличках средне-ассирийского времени, обнаруженных в Тель-Фахари Мак Еваном и изданных Г. Гютербоком в упомянутой выше коллективной работе (см. выше, прим. 6), выступает название *Dunni*, которое следует рассматривать, по Е. Кантор, не как аккадское слово для обозначения «крепости», а как наименование пункта, расположенного на месте Тель-Фахари в XIII в. до н. э.¹¹ Это противоречит отождествлению Тель-Фахари с Вашшуканни. Более того, некоторые ученые допускают возможность локализации центра Митаннийского государства в Тель-Хуере¹² (в 40 км к юго-западу от Тель-Фахари).

Правильно поступила Ф. Импарати, выделив специально вопрос о взаимоотношениях субарейцев и хурритов (стр. 8—11). Однако она безоговорочно принимает выдвинутое И. Гельбом в 40-х годах мнение, согласно которому хурриты и субарейцы — отличные друг от друга этнические группы. Ф. Импарати обращает внимание читателя на три главные обстоятельства, подтверждающие правильность данного предположения: 1) отдельные субарейские названия текстов III династии Ура по звуковому составу отличны от хурритских названий того же периода; 2) в одной табличке из Рас-Шамры хурриты (*URJ*) различаются от субарейцев (*SBR*); 3) хурритские названия Тигра и Евфрата отличны от субарейских названий этих же рек. Правда, предположение И. Гельба находит все больше сторонников, однако, на наш взгляд, все же следовало бы заметить, что пока еще имеется ряд моментов, требующих соответствующих объяснений для окончательного решения поставлен-

⁴ B. Hrouda, Die bemalte Keramik des zweiten Jahrtausends in Nordmesopotamien und Nordsyrien. B., 1957. См. также рецензию на эту книгу: M. Welker, OLZ, 55, 1960, № 7/8, стр. 378.

⁵ H. J. Kantor (реп. на кн.: Moortgat, Archäologische Forschungen... 1955), OLZ, 56, 1961, № 1/2, стр. 44.

⁶ C. W. McEwan, L. S. Braidwood, H. Frankfort, H. G. Güterbock, R. C. Haines, H. J. Kantor, C. H. Kraeling, Soundings at Tell Fakhariyah, Chicago, 1958; B. Hrouda, Tell Fehērije. Die Keramik, ZAss, NF, 20 (54), 1961, стр. 200—240; A. Moortgat, Tell Chuēra in Nordost-Syrien, Köln-Opladen, 1960.

⁷ C. A. Burney, Eastern Anatolia in the Chalcolithic and Early Bronze Age, AnSt, 1958, 8, стр. 167; О. М. Джапаридзе, К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры, Тбилиси, 1961, стр. 250 слл. (на груз. яз.; резюме на русск. и англ. яз.); И. М. Дьяконов, Некоторые лингвистические данные к проблеме связей населения Восточного Кавказа и Закавказья с древним Востоком в III—I тыс. до н. э. (тезисы), Баку, 1966, стр. 7 сл.

⁸ Г. А. Меликишвили, К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, Тбилиси, 1965, стр. 165. Там же ссылка на литературу (на груз. яз.); он же, Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии, ВДИ, 1965. № 1, стр. 17.

⁹ Подробно см. B. Hrouda (реп. на кн. C. W. McEwan, L. S. Braidwood и др., см. выше, прим. 6), OLZ, 55, 1960, № 1/2, стр. 29.

¹⁰ Hrouda, Die bemalte Keramik..., стр. 30. Однако этот ученый все же придерживается мнения, что Тель-Фахария — это Вашшуканни. См. также указанную его работу «Tell Fehērije», стр. 200.

¹¹ Kantor, ук. соч., стр. 45, прим. 2. Ср. Hrouda, ук. соч., стр. 30.

¹² M. Martini (реп. на кн. Moortgat, Tell Chuēra...), Or, 32, 1963, № 3, стр. 349. О значении Тель-Хуеры см. также H. J. Kantor (реп. на книги Moortgat «Archäologische Forschungen... 1956» и «Tell Chuēra...»), OLZ, 58, 1963, № 9/10, стр. 465.

ного И. Гельбом вопроса (например, появление хурритского элемента на территории, расположенной к востоку от Тигра, вопросы локализации отдельных пунктов Северной Месопотамии и др.).

В связи с постепенным распространением хурритов к юго-западу в рецензируемой работе рассматривается вопрос о появлении в Египте гиксосов (стр. 11—14). Автор повторяет мнение специалистов, что усиление хурритского элемента в Сирии и Палестине¹³, по всей вероятности, сыграло определенную роль и в грандиозном движении гиксосов, вопрос происхождения которых, как справедливо указывают некоторые ученые, все же остается открытым, хотя следует принять во внимание тот факт, что этнический состав гиксосов является в основном семитским. Попытки обнаружить среди гиксосов другой этнический элемент, как известно, не дают убедительных результатов¹⁴.

После краткого обзора известных до настоящего времени письменных источников на хурритском языке, а также документов, содержащих определенные данные о хурритах (стр. 14—19), в первой главе Ф. Импарати касается мимоходом вопроса о связи хурритского языка с древнейшими языками Ближнего Востока (стр. 19—20). Автор книги, не приводя доказательств, допускает возможность прямого родства между хурритским и эламским языками, правильно исключая генетические связи с протохеттским (хаттским). Явно недостаточны суждения, приводимые автором для доказательства родства хурритского и урартского — этих очень близко родственных языков древнего Востока¹⁵. Что касается вопроса о связи хурритского языка с современными кавказскими языками, в частности с грузинским, то, по мнению Ф. Импарати, можно говорить лишь о структурном, а не генетическом родстве этих языков¹⁶.

Подробнее рассматриваются вопросы письменности и языка хурритов (стр. 20—30). После детального изложения мнения Т. В. Гамкрелидзе о том, что в Северной

Сирии была заимствована хурритами силлабическая клинопись митаннийского письма, Ф. Импарати переходит к краткой характеристике хурритского языка. Она убедительно излагает вопросы морфологии и синтаксиса, рассматривая отдельные характерные черты имени существительного, глагольной системы и энклитических частиц интересующего нас языка. В этой части первой главы труда было бы, однако, желательно дать несколько хурритских текстов с переводом для того, чтобы читатель получил наглядное представление о данном языке.

Изложив главные моменты пока все еще безрезультатных попыток подыскать соответствующую этимологию для термина «Хурри» (стр. 31—34), Ф. Импарати в конце первой главы рассматривает название «Митанни, Хангальбат, Нахарин и Хурри» (стр. 34—37), из которых «Хурри» — явно этническое название (в особенности в текстах раннего периода), хотя мы знаем, что в ряде случаев оно выступало и в роли термина политико-географического значения, приравниваясь к названиям «Митанни» и «Хангальбат». Соображение Р. Т. О'Каллагана о том, что три последние названия в XV—XIV вв. были синонимами, подтверждается новыми данными хеттских источников. Так, если в «Новой билингве» Хаттусили I¹⁷ «Хангальбат» аккадской версии и «Хурри» хеттского варианта текста заменяют друг друга, то сопоставление данных вводной части основного текста «Договора Тальмишаррумы»¹⁸ и нового фрагмента этой же части договора¹⁹ прямо свидетельствует об идентичности терминов «Хангальбат» и «Митанни», что, в свою очередь, указывает на тождественность названий «Хурри» и «Митанни».

В связи с названием «Хурри» следует обратить внимание на термин *ḫurriēni*, засвидетельствованный в источниках лишь один раз — в договоре, заключенном между алалахским царем Никмена и царем Тунипа (AT, 2, 73). Образованное от *ḫurri* и хурритского суффикса *-(e)nni*, который мы видим и в *Mitanni*, название *ḫurriēni* — явно параллельная форма к *ḫurri* (ср. сткк. 73 и 74 указанного договора, где попеременно названы *šaḫē^{MEŠ} ḫurriēni* и *(ša šar) šaḫē^{MEŠ} ḫurri*).

Во второй главе книги «Индо-арийцы в Митанни, Нузи, Сирии и Палестине» (стр. 39—53) рассмотрены вопросы опомастики, ведийских божеств в митанний-

¹⁷ H. Otten, MDOG, 91, 1958, стр. 73—84.

¹⁸ E. Weidner, Politische Dokumente aus Kleinasien, Lpz, 1923, стр. 80 слл.

¹⁹ H. Klenkel, Ein neues Fragment zur historischen Einleitung des Talmišaruma-Vertrages, ZAss, NF, 22 (56), 1964, стр. 213—217.

¹³ Из новой литературы см. I. J. Gelb, The Early History of the West Semitic Peoples, ICS, XV, 1961, № 1, стр. 39 слл. Там же ссылка на литературу.

¹⁴ W. A. Ward, Egypt and the East Mediterranean in the Early Second Millennium B. C., Or, 30, 1961, № 2, стр. 150 слл.

¹⁵ Подробно см. Г. А. Меликишивили, Урартские клинообразные надписи, М., 1960, стр. 89 слл.; Diakonoff, A Comparative Survey..., стр. 1 слл.; о нем же, Сравнительно-грамматический обзор..., стр. 369 слл.

¹⁶ Ср. Дьяконов, Некоторые лингвистические данные..., стр. 5 слл. В этой работе И. М. Дьяконов ставит вопрос о структурном сходжении хуррито-урартского языка только с северо-восточнокавказскими (нахско-дагестанскими, языками.

ском пантеоне, «древнеиндийских» терминов в «Трактате о коневодстве» Киккули Митаннийского и др. Среди них в первую очередь привлекают внимание суждения автора о выяснении сущности термина *maṛiānu* (стр. 45—49). Разделяя соображения отдельных специалистов о происхождении этого термина от ведийского *māru-* (мн. ч. *māruās*, вин. п. мн. ч. *māru-ān* + хурритский суффикс *-ni*) «юноша, воин», автор подчеркивает, что *maṛiānu* составляли определенный социальный класс высшего ранга — «воинов на колеснице»²⁰. При «феодальном» характере организации Митаннийского царства (автор следует тут без раздумий устаревшим стандартам) *maṛiānu* являлись «знатыми воинами», способными содержать за свой счет колесницу с двумя конями и обслуживать царя по мере надобности. В связи с вопросом о появлении индо-арийцев в Митании²¹, Ф. Импарати отмечает, что приблизительно к 1700 г. отдельные группы индо-арийцев уже находились в горной зоне вокруг Вавилона, откуда они вторглись и в районы, населенные хурритами. Ко времени Киккули этнический элемент индо-арийцев уже не существовал. Смешавшись с хурритами, они оставили определенные культурные следы среди коренного населения страны, в особенности, в привилегированных слоях общества.

В третьей главе (стр. 55—78) автор, опираясь на предположения, имеющиеся в литературе предмета, усердно старается реконструировать политическую историю Митаннийского царства. Правда, в итоге получилась история царей Митании²², однако упрекать за это автора не приходится, так как имеющиеся в нашем распоряжении материалы пока еще не дают возможности со всей полнотой воссоздать политическую историю этой страны. Несмотря на это, Ф. Импарати все же удалось, излагая вкратце основные моменты политических взаимоотношений Митании с Северной Сирией, Египтом, Хатти и Ас-

сирией, нарисовать общую картину борьбы между этими государствами.

Однако в этой части очерка почти ничего не сказано о раннем (до 1500 г. до н. э.) периоде политической жизни хурритов. Из этого большого промежутка времени особенно следует выделить период, когда отдельные племенные объединения хурритов поддерживали определенные связи (военно-политические и культурные) с городами-государствами Северной Сирии, и, что самое главное, с хеттами эпохи Древнего царства. Существование этих контактов хорошо засвидетельствовано в текстах исторического содержания на древнехеттском языке, весьма существенные данные которых²³ не использованы автором, по всей вероятности, ввиду того, что данные древнехеттских источников относительно хурритов пока еще никем не обработаны специально²⁴. Именно к концу этого периода следует отнести образование мощного Митаннийского царства с центром в Вавшукании²⁵.

В этой части книги автор, говоря о политической истории хурритов конца III тыс. до н. э., совершенно не использует данных древневосточных (ассирийских, хеттских) текстов указанного периода относительно страны Хангалбат (Митании), довольствуясь простым упоминанием царей Шаттуара I, Васашатта и Шаттуара II лишь в другом месте работы (стр. 36). В период правления этих последних политических центр племен, живших в верхнем течении рек Хабур и Белих (от Тур-Абдина до р. Евфрат), возможно, находился в гор. Танди, который приобрел особенно большое значение после разгрома Вавшукании при Суппилулиуме I²⁶.

Более того, во всей книге нигде не отражены и заключительный этап существования хурритов, когда в конце II тыс. до н. э. в Верхней Месопотамии появились арамейские племена, в последующие

²⁰ Подробно см. R. T. O'Callaghan, *Agam Naharaim*, Roma, 1948, стр. 66 сл.

²¹ Из последних работ по этому вопросу см. A. Kammenhuber, *Hittologia Hethitica*, Wiesbaden, 1961, стр. 15 сл. Там же литература.

²² В вопросе о последовательности царей Митании Ф. Импарати придерживается в основном схемы, предложенной О'Каллаганом (Шутарна I, Паршасатар/Паратарна, Саушсатар, Артатама, Шутарна II, Тупратта, Маттивазар). Убедительно выглядят синхронизмы царей Митании и Алаха: Паратарна — Идрими, Саушсатар — Никмеа, Артатама — Илим-илима и т. д. После этого, разумеется, невозможно допустить, что Шутарна II был современником того же Идрими Алаха-ского (ср. стр. 60).

²³ См., например, BoTU, 12A, I, 24 сл.; 14, I, 12 сл.; 17A, III, 32 сл.; 19, I, 4 сл.; 20, II, 15 сл. и мн. др. Как известно, в BoTU, 21, III, 13 сл. речь идет о «царях войск Хурри» интересующего нас периода: Уванти, Урутитти, Арви[...] и Увакацания.

²⁴ О некоторых моментах хетто-хурритских отношений в период правления Хантили см. A. Goetze, *On the Chronology of the Second Millennium B. C.*, JCS, 11, 1957, 2, стр. 55 сл.

²⁵ С этого времени в источниках появляется и само название Mitanni. Оно выступает даже в одном египетском тексте, датированном приблизительно 1500 г. до н. э. — см. H. Brunner, *Mitanni in einem ägyptischen Text vor oder um 1500*, MIO, IV, 1956, 3, стр. 323 сл.

²⁶ H. Klenkel, *Zum Brief eines Königs von Hanigalbat* (IBoTu I 34), Or, 32, 1963, 3, стр. 290 сл.

периоды всецело поглотившие разные политические объединения хурритов.

Краткой характеристике отдельных сторон социально-экономической жизни хурритского общества по материалам архивов Аррапхи и Нузи автор рецензируемой работы посвящает специальную четвертую главу «Институты и право» (стр. 79—98). Безоговорочно объявляя хурритское общество эпохи Аррапхи и Нузи феодальным, Ф. Импарати знакомит читателей с рядом терминов, имеющих прямое отношение к структуре социально-экономической организации хурритского общества, совершенно игнорируя существование общественных отношений указанного общества, столь убедительно выявленных советскими учеными²⁷.

В связи с характеристикой терминов *ilku*, *dintu* и *qīštu* автор рассматривает и *maṣūtu* «усыновление», но не менее важные термины социального значения, имеющие прямое отношение к указанным выше, — *ewtu* и *ahḫūtu* («братство») — не упоминаются²⁸. Из административных должностей, засвидетельствованных в текстах из Аррапхи и Нузи, Ф. Импарати останавливается лишь на довольно высокой должности — *ḫalsuḫlu*. В функции занимавшего эту должность лица входило, по мнению автора книги, управление царскими землями, вплоть до распределения их. Не исключено, что указанное должностное лицо выполняло также военные и судебные функции.

Вкратце рассматривает автор вопросы о найме, залоге (в связи с *tuppi titennūti*), поручительстве, браке и семье по сведениям текстов из Аррапхи и Нузи, приводя краткие данные и о системе уголовной ответственности членов интересующего нас общества. В конце четвертой главы Ф. Импарати дает переводы некоторых текстов, имеющих большое значение с юридической точки зрения.

В указанной части книги обращает на себя внимание то, что картина социально-экономического развития хурритского общества представлена автором весьма неполно. Здесь, так же как и во всей книге, нет характеристики земледелия, скотоводства и ремесла, несмотря на то, что клинописные источники из Аррапхи и Нузи дают обильный материал по этому вопросу. Воздерживается автор и от характеристики отдельных категорий людей указанного

общества (*ḫuršu*, *nīš*, *bīti*, *ḫabiru*, *ṣuḫāru* и т. д.). Особенно бросается в глаза почти полное умолчание автором о существовании в Аррапхе и Нузи института рабства. Ничего не говорится о социальном и имущественном расслоении хурритов во II тыс. до н. э. и т. д.

Большое место занимает в книге пятая глава, в которой подробно повествуется о религии хурритов (стр. 99—127). В этой части работы умело использованы результаты исследований последних лет, в том числе и выводы, полученные Э. Лярошем относительно взаимоотношений хурритского и хеттского пантеонов. Для изучения хурритской религии громадное значение имеет то обстоятельство, что представленный в Язылыкее пантеон как по последовательности богов и богинь, так и по названию (в довольно неразборчивых приписках) отдельных фигур оказался хурритским.

Хурриты почитали не только божества собственного пантеона, но и чужеземных богов, в частности месопотамских. Во главе пантеона стояла божественная пара: бог бури и погоды Тешуб (шум. Ишкур, вав. Адад, протохетт. Тару) и его супруга Хепат, почитаемые, кроме собственно хурритской территории, в различных странах Ближнего Востока (встречаются и в теофорных именах разных периодов). Их сына Шарруму следует отождествить с богом бури и погоды хеттских городов Нерик и Циппаланда. Шимеги (=месоп. Шамаш, протохетт. Иштану) олицетворял бога солнца, а Шаушка (месопот. Иштар, шум. Инанна) — богиню войны и любви.

Далее подробно рассматриваются бог луны Кушух/Кушах (месопот. Син), отец богов Кумарби, великая мать-богиня Кубаба/Кувава (прототип фригийской богини Кибеле/Кибебе) и многие другие восторженные представители хурритского пантеона. Специально останавливаясь на характеристике пантеона Язылыкее, автор говорит о влиянии хурритской религии на хеттскую, а далее — на религию Кипцуватны. В связи с верованиями хурритов Ф. Импарати рассматривает и эпический цикл относительно Кумарби и Улликумпи, отмечая роль хурритской литературы для истории мировой культуры. Как уже указывали специалисты, выявляются известные контакты с древнегреческой традицией, а именно с гесиодовским мифом о Тифоне и повествованием Гесиода о переходе власти от Урана к Кроносу, а далее от этого последнего — к Зевсу (стр. 124 сл.).

В этой интересной части рецензируемой книги, к сожалению, не учтена работа известного хеттолога Г. Оттена²⁹ относи-

²⁷ Особенно см. Н. Б. Янковская, Землевание большесемейных домовых общин в клинописных источниках, ВДИ, 1959, № 1, стр. 43 сл.; И. М. Дьяков, Община на древнем Востоке в работах советских исследователей, ВДИ, 1963, № 1, стр. 16 сл.

²⁸ Н. Б. Янковская, Из истории хурритского общества по материалам юридических документов из Аррапхи, М., 1960, 12 стр. (=АС10, I, стр. 226—232).

²⁹ H. Otten, Die Götter Nupatik, Pirinkir, Hešue und Iatni-Pišaišaphi in den hethitischen Felsreliefs von Yazılıkaya, «Anatolia», IV, 1959, стр. 27—37.

тельно некоторых божеств пантеона Язылыккая. Значение же указанной работы Г. Оттена довольно важно, так как в ней устанавливаются хурритские названия богов №№ 32—30 скульптурной галереи Язылыккая, известных только по идеограммам. Выясняется, что хурритское название бога № 32 — Нупатик (отождествление этого последнего с Забаба, как это делает Импарати на стр. 113, не оправдано), бога № 31 — Пиринкир, бога № 30 — Хешуе (= Забаба). Быков-людей (№№ 29—28) отныне следует называть Хатни и Пишайшапхи, а не Хурри и Шерри. Важен и незамеченный Импарати вывод Г. Оттена о тождестве хурритского бога Тапмишу с месопотамским Нинурта, что исключает тождественность этого последнего с Шувалият.

Предпоследняя, шестая глава рецензируемой работы (стр. 129—134) посвящена вопросам искусства хурритов и его влияния на искусство соседей, в первую очередь хеттов. Здесь по материалам из Нузи, Алалаха, Тель-Халафа, Богазкея и других областей древнего Востока даны крат-

кие сведения относительно керамики, глиптики, скульптурного искусства и архитектуры хурритов.

Много интересного найдут читатели в заключительной главе (стр. 135—149), где рассказывается о первом появлении, разведении и применении лошадей в странах древнего Востока. Автор использует богатую научную литературу о коневодстве, с основными положениями которой читатель может детально ознакомиться по названной выше фундаментальной монографии А. Камменхубер относительно коневодства у хеттов.

Заканчивая нашу рецензию, считаем нужным отметить, что несмотря на перечисленные выше порой серьезные недостатки, книга Ф. Импарати, содержащая общие сведения о хурритах, безусловно окажет определенную помощь широким кругам читателей, интересующихся историей, культурой и религией этого все еще малоизученного этноса древнего Востока.

Г. Г. Гиоргадзе

НОВАЯ КНИГА О «ПОЛИТИКЕ» АРИСТОТЕЛЯ

EGON BRAUN, *Das dritte Buch der aristotelischen «Politik» Interpretation*, Wien, 1965 (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte, Bd. 247, Abh. 4), 292 стр.

Третья книга Политики Аристотеля, в которой автор дает определения ряда основных понятий государства, привлекает к себе интерес исследователей (помимо своего содержания) с двух точек зрения. Во-первых, в ней далеко не всегда ясен ход мыслей Аристотеля, что дает повод к разным предположениям о композиции и творческой истории этой книги. Во-вторых, некоторые места и особенно конец III книги послужили основанием для вывода, будто она непосредственно вводит в изображение идеального строя, описанного в VII—VIII книгах; следовательно, думают некоторые исследователи, эти две последние книги представляют собой естественное продолжение III и должны занять место перед книгой IV, которая, как и весь комплекс книг IV—VI, первоначально шла за книгой VIII.

Книга Эгона Брауна, известного знатока политических произведений Аристотеля, дает интерпретацию III книги Политики. По существу она целиком обращена к двум указанным выше проблемам. Сам автор предупреждает читателя в предисловии, что его целью не является исчерпывающий экзегетический и языковой комментарий (стр. 5). Поэтому его интерпре-

тация ни в какой мере не претендует на соперничество с комментарием Ньомзена (он мог бы добавить — и Зуземля). Читатель книги очень скоро убеждается в том, что старые комментарии к Политике Аристотеля и новый труд Брауна взаимно друг друга дополняют. Самодеятельная интерпретация отдельных мест сравнительно мало интересует Брауна; можно даже сказать, что он предполагает со своих читателей хорошее знакомство со старыми толкованиями трудных (со стороны реалий или языка) мест III книги Политики.

Характерная особенность интерпретаций Брауна — это их направленность. Тщательно прослеживая ход мыслей Аристотеля, не увлекаясь легкими поисками неувязок, противоречий, лакун и, наоборот, предлагая правдоподобные объяснения подобных (часто мнимых) дефектов, Браун показывает, что III книга Политики представляет собой, с логической точки зрения, единое хорошо продуманное целое. То же внимательное чтение текста Аристотеля привело исследователя к другому солидно обоснованному выводу: вопреки распространенному мнению, книги VII—VIII не обнаруживают тесной смысловой связи с книгой III, так что отпадает надоб-